

*Марина Кагалина
Чудо приходит,
когда его не ждёшь*

Марина Качалина
Чудо приходит, когда
его совсем не ждёшь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68514513

SelfPub; 2022

Аннотация

Неудачный брак за плечами, молодость прошла и, казалось бы, ждать больше нечего. Но жизнь всегда полна сюрпризов, и обидное падение на льду вдруг становится началом чего-то нового...

Марина Качалина

Чудо приходит, когда его совсем не ждёшь

Новый год приближался неотвратно, как сама судьба. Независимо от того, что происходило в мире в целом и в душах людей в частности, он всё равно наступал – ход времени ничто не в силах остановить.

Впервые, пожалуй, ей совсем не хотелось праздника, не ждалось, и ни погода – удивительно подходящая в этом году, со снежком, скрипящим под ногами, с лёгким морозцем, ни сверкающая, искрящаяся атмосфера украшенных улиц, домов и витрин, ни льющиеся из каждого уютга новогодние песенки, ни уютные и добрые фильмы, идущие потоком по всем каналам телевидения, не спасали положения. В этом году она не ждала ничего.

Когда-то в детстве, примерно за месяц до наступления праздника, её охватывал предпраздничный мандраж. Как в лавку чудес, заходила она с мамой в магазин ёлочных игрушек, почти не дыша, изучала витрины с чудеснейшими стеклянными домиками, шишками, орешками, матрёшками и фонариками, полки с искрящейся мишурой и дождиком, разноцветные флажки и гирлянды. У них была традиция – денег всегда было немного, но каждый год мама покупала

хотя бы одну новую игрушку на ёлку. «На удачу», – говорила она, мягко улыбаясь своей малышке. И она с трепетом выбирала это «на удачу».

Перед новым годом всегда было много приятной суеты и важных дел. Они выбирали ёлку, вернее, небольшую и пушистую сосенку, на ёлочном базаре, везли её домой на санках, потом папа подрубал топориком ствол, чтобы он поместился в подставку. Подставку для ёлки им сварил муж папиной сестры из квадратного куска железа и обрезанной трубы, они прикрывали её отрезом белой ткани или ватой – когда как, чтобы казалось, что ёлочка стоит в снегу.

Ёлка (ну никак не называлась она сосной, пусть и принадлежала к этому виду), постояв немного в тепле, начинала лить смоляные слёзки, и по комнате плыл невероятный аромат, присущий только этому времени и этому празднику.

Наряжали ёлку всегда вместе – начинал отец, надевая расписную малиновую макушечку на самую верхнюю ветку, затем он разматывал сложенные на год в коробку гирлянды, проверял, не перегорели ли лампочки в фонариках, а потом спиралью вешал гирлянду на ёлку. Потом они с мамой доставали аккуратно завернутые в бумагу, чтобы не разбились друг о друга, игрушки, каждую осторожно разворачивая и заново рассматривая, вспоминая, что забылось за год. Развешивали по определённой системе – большие – вниз, маленькие – наверх, чередуя игрушки разных цветов, чтобы не повторялись. Затем приходил черёд мишуры – также спира-

лью, по кругу, а сверху – серебристый дождик. И в конце, как вишенка на торте – пластмассовые фигурки Деда Мороза и Снегурочки под ёлку.

Когда всё было на месте, гирлянду торжественно включали в розетку и выключали верхний свет. И вот она – главная новогодняя красавица, сверкает огнями и превращает обычную комнату в обычной квартире в сказочный терем. С этого момента начиналось ежегодное ожидание чуда, растягивающееся почти на целый месяц.

Папа выбивал ковры на снегу, закупали горошек, майонез и колбасу для традиционного салата «Оливье», они с мамой шили и украшали для неё костюм на новогодний утренник, обсуждали меню – новогоднюю ночь отмечали всегда в кругу многочисленных родственников. Накрывали на стол, шумной толпой смотрели новогодние передачи и фильмы, смеялись, шутили, танцевали, домой расходились под утро, а зачастую оставались ночевать, укладывались прямо на полу, и никому не было тесно или неудобно, напротив, это всё было восхитительным приключением – когда дружно, когда вместе, когда все друг другу нужны и рады. К обеду вновь накрывали на стол, вновь включали телевизор и теперь уже размеренно продолжали праздновать. А дома под ёлкой уже ждали своей очереди подарки. Она давно знала, что Дед Мороз – это родители, и тогда было абсолютно неважно, что там, важен был процесс и ощущения. Ощущение праздника и чуда.

Ничто хорошее не длится вечно. Всё как-то незаметно потихоньку начало рушиться. Уход в мир иной любимой тётушки стал началом конца. Конец счастливой и беззаботной жизни. Родственники стали уходить один за одним, а те, кто остался, как-то перестали собираться большой и дружной компанией, то есть собирались, но всё было не то и не так.

И в один из последующих праздников она вдруг обнаружила, что они сидят за новогодним столом вчетвером с маминной подругой и её дочерью Анькой, её ровесницей, ставшей подругой. Та же ель, мягко переливающаяся огнями, тот же «Оливье» в хрустальной салатнице в центре стола, всё также с экрана телевизора Женя Лукашин в очередной раз рассказывает, как они каждый год моются с друзьями в бане. Но всё не так. Было... неплохо, было тихо и спокойно. За окном взрывались хлопушки, шумные компании открывали шампанское прямо на улице, запускали фейерверки, а она стояла у окна и вспоминала себя и своих родителей, молодых и весёлых, своих шумных родственников и безумно тосковала по всему этому. Чувство причастности сменилось созерцанием чужого веселья. Да дело в общем-то и не в веселье было. Её ломало. Безумно ломало внутри, ей так хотелось вернуться в прошлое и окунуться в эту атмосферу новогоднего сумасшествия. Но перед ней было окно, а за ним – чужое веселье и чужие фейерверки. Глупость, да. Рядом мама и не плохие люди, пусть их немного, но всё же. Она знала, что нужно ценить то, что есть. Знала, но всё же её ломало.

А потом она выросла. Новый год проходил по-разному, с подружками, в больших и не очень компаниях, но то волшебное чувство больше не возвращалось.

Она вышла замуж, подружилась с родственниками и друзьями мужа, у них собирались большие компании, и она пыталась вернуть традиции детства – они обсуждали меню, наряжали ёлку, украшали дом, готовили вечерние наряды, она придумывала конкурсы. И всё бы ничего, но вдруг оказалось, что её любимому нравится другой отдых, он был отличным малым до первой рюмки, а потом любой праздник превращался в бесконечные попытки его остановить, уговоры и всегда заканчивался ссорой и её слезами, а потом он просто уходил из дома и продолжал веселье уже без неё. А она звонила, искала, ждала, не могла уснуть, винила себя, пыталась понять, что делает не так. Он рано или поздно возвращался, устраивал ещё один скандал и ложился спать. А она рыдала до утра и обещала себе уйти и не возвращаться. А на следующий день он просил прощения, обещал исправиться. Она прощала. И так из раза в раз по кругу. Уходила, он возвращал.

В другие дни было терпимо, но в Новый год было тяжелее всего. Со временем покупка новогодней ели стала её обязанностью. Не то, чтобы прям её, но он обещал купить, но всё тянул, и, когда до Нового года оставался один день, она не выдерживала и шла на ёлочный базар сама, выбирала самое приличное деревце из оставшейся некондиции и тащила на

себе на свой четвёртый этаж, пачкая руки и куртку в смоле. Просить кого-то помочь было стыдно, ведь у неё есть муж, что люди подумают. Потом и покупка продуктов на новогодний стол тоже стала её обязанностью, потому что мужу всегда было не до этого, он, как правило, возвращался домой накануне знатно навеселе и падал спать, а на следующий день ему было плохо и приходил в себя он только перед приходом гостей. Поэтому, чтобы никто ничего не заподозрил, ей приходилось таскать пакеты с ингредиентами для салатиков на себе. Она с тоской смотрела на парочки в магазинах, на девочек, которые показывали наманикюренными ноготками на нужные продукты, а мальчики их чинно складывали в продуктовую тележку. Смотрела на шумные компании молодых людей, вместе выбирающих шампанское. Смотрела и глотала слёзы. Жаловаться было некому, её бы не поняли.

После похода по магазинам, уборки квартиры, упаковки подарков для всех, приготовления праздничного стола ей уже ничего не хотелось, только свернуться калачиком перед телевизором и потихоньку посмотреть новогодний фильм. Но приходилось будить мужа, приводить его в порядок перед приходом гостей, и себя заодно за оставшиеся пятнадцать минут, всех встречать и улыбаться, делая вид, что всё замечательно. А потом вновь первая рюмка и дальше по сценарию. Стоило ли оно того? В результате всё, что она так любила, стало ей ненавистно. Ей больше не хотелось ёлки, конкурсов и гостей, ведь она знала, чем всё закончится. Ей боль-

ше ничего не хотелось. Чуда она больше не ждала.

И однажды она ушла, окончательно, ей так казалось, он пытался остановить, обещал ей то, о чём она так долго просила, но она больше не верила, а он не сильно настаивал.

Она вздохнула свободнее, расправила плечи, со временем перестала бояться праздников и вновь впервые за много лет с удовольствием наряжала ёлку, покупала подарки, нарезала салатики. Было почти как в детстве. Почти.

У неё была маленькая принцесса, которой был нужен папа, и она чувствовала вину за тоску ребёнка. Опять винила себя. Обиды немного стёрлись, и она начала думать, что, может быть, они могли бы попробовать заново. Ведь время меняет людей и заставляет задуматься о том, что мы потеряли.

Они попробовали. Но на самом деле попробовала только она. Пока не поняла, что время меняет людей лишь тогда, когда они сами этого хотят. Он так ничего и не понял. Друзья и родственники устали пытаться погасить очередной скандал посреди праздника, и со временем к ним перестали ходить гости, а потом и звать особо перестали, потому что шоу продолжалось независимо от места его проведения.

Жизнь превратилась в серое ничто. Она ушла, теперь уже насовсем, её принцесса выросла и больше не тосковала по тому, кто был, но на самом деле отсутствовал в её жизни.

И вот она шла по вечернему городу, вдыхала морозный воздух и думала о том, как так могло получиться, что из солнечной девчонки она превратилась в унылую тётку без пла-

нов и желаний. От тоскливых мыслей на глаза сами по себе начали наворачиваться слёзы, и она не заметила, как ступила на затянувшуюся льдом лужу на дороге, нога поехала в сторону и она, побалансировав для приличия пару секунд, уселась на льду. Было скорее обидно, чем больно. Падение стало тем спусковым крючком, который запустил безудержный поток слёз. Вставать не хотелось совершенно, напротив, хотелось лечь на этот лёд и рыдать, выплакивая все свои беды и горести. Так она и сидела, поджав под себя ноги и прикрывая лицо руками, пока её мягко, но настойчиво не потянули вдруг вверх чьи-то сильные руки. Пелена слёз застила глаза, и ей не удавалось рассмотреть лицо её неожиданного спасителя. Всхлипнув ещё пару раз, она поправила съехавшую на глаза шапку, вытерла слёзы варежками и сквозь слипшиеся ресницы взглянула на человека перед ней.

– Всё в порядке, ничего не ушибли? – участливо спросил парень в чёрной вязаной шапке и синей спортивной куртке. Тёмные глаза смотрели участливо.

– Не знаааааю, – ей снова стало так жаль себя, а ещё того, что её держит в руках привлекательный парень, а она так позорно свалилась на лёд, и шапка набекрень, и тушь наверняка потекла, и вообще – ей уже за сорок, и она никому не нужна. И слёзы вновь полились ручьём по лицу.

– Где больно! – испугался парень. – К врачу? Скорую?

– Ага, в психушку сразу, или в дом престарелых, – саркастично выдала она.

Он смотрел на неё ошеломлённо, а потом начал громко и от души смеяться. Он разжал руки, и она, не ожидая этого, вновь растянулась на льду, шапка вновь съехала ей на нос, ноги разъехались в разные стороны, одной она подбила ногу откровенно ржущего парня, и он растянулся рядом с ней. Теперь они барахтались на льду уже вдвоём, запутываясь в своих и чужих руках и ногах.

– Так, стоп, – сориентировался быстрее парень, – не шевелись. Они оба замерли, посмотрели друг на друга и начали ржать уже вдвоём. – Откуда ты такая взялась? – отсмеявшись, поинтересовался парень.

– Из неудачного брака, – выдала вдруг она.

– А в удачный пойдешь?

– А ёлку купим?

– Купим. И нарядим. И мандаринок купим. И подарки. И упакуем. И гостей позовём. Пойдёт?

– Пойдёт. Пойду.

И они пошли. В удачный брак и в новый год. Но это уже совсем другая история.